

Durham Research Online

Deposited in DRO:

30 March 2016

Version of attached file:

Published Version

Peer-review status of attached file:

Peer-reviewed

Citation for published item:

Byford, Andy (2014) 'Razygryvaia «soobshchestvo» : russkoiazychnye migranty sovremennoi Britanii. = Performing "community": Russian-speaking migrants in contemporary Britain.', *Novoe literaturnoe obozrenie*. = New literary observer., 127 (3). pp. 377-395.

Further information on publisher's website:

<http://nlobooks.ru/node/5175>

Publisher's copyright statement:

Additional information:

First published in *Novoe literaturnoe obozrenie* (New literary observer) in 2014.

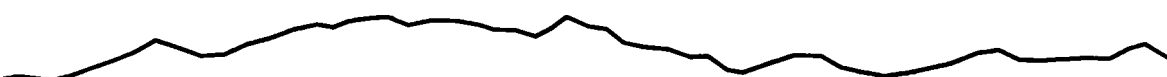
Use policy

The full-text may be used and/or reproduced, and given to third parties in any format or medium, without prior permission or charge, for personal research or study, educational, or not-for-profit purposes provided that:

- a full bibliographic reference is made to the original source
- a [link](#) is made to the metadata record in DRO
- the full-text is not changed in any way

The full-text must not be sold in any format or medium without the formal permission of the copyright holders.

Please consult the [full DRO policy](#) for further details.

ДИАСПОРА И ПЕРФОРМАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ

Э н д и Б а й ф о р д

РАЗЫГРЫВАЯ «СООБЩЕСТВО»: РУССКОЯЗЫЧНЫЕ МИГРАНТЫ СОВРЕМЕННОЙ БРИТАНИИ*

ВВЕДЕНИЕ

В начале 2000-х годов в Великобритании был отмечен значительный рост количества русскоговорящих мигрантов из постсоветского пространства¹. Произошел он в результате ряда причин: расширившихся возможностей для миграции, предоставленных большинством бывших советских республик своим гражданам, расширения Европейского союза на восток, а также вследствие

* Оригинальная версия этой статьи на английском языке была опубликована в сборнике под редакцией Люсиль Кэрнс и Сантьяго Фуз-Эрнандеза «Переосмысление "идентичностей": Формулирование различия и сопротивления в культуре нового тысячелетия» (*Byford A. Performing «Community»: Russian Speakers in Contemporary Britain // Rethinking «Identities»: Cultural Articulations of Alterity and Resistance in the New Millennium / Ed. by L. Cairns and S. Fouz-Hernández. Bern: Peter Lang, 2014. P. 115–139*). Это исследование было частью проекта «Национальная идентичность России с 1961 года: Традиции и детерриториализация», осуществлявшегося под руководством профессора Катрионы Келли (New College, Oxford) при финансовой поддержке Британского совета по гуманитарным наукам и искусству (АН/Е509967/1). Автор благодарит всех анонимных участников этого исследования, а также выражает особую благодарность за помощь в виде конструктивных замечаний и дополнительной информации Катрионе Келли, Оксане Моргуновой, Анне Печуриной, Ольге Бронниковой и Элизабет Шимпфосл. Я также благодарю Полину Ключникову за помощь в переводе этой статьи на русский язык.

¹ В отчетах за 2007 год указывается цифра в 300 000 — так оценивается приблизительное число мигрантов этой категории Всемирной организацией по миграции (ИОМ)

некоторых послаблений в иммиграционных правилах, принятых из экономических соображений лейбористским правительством Великобритании в 1997–2008 годах². Несмотря на то что эта группа довольно однородна в лингвистическом отношении, русскоязычных мигрантов, о которых пойдет речь в статье, нелегко определить в терминах этнической, национальной или диаспоральной принадлежности. К этой группе относятся выходцы из различных стран постсоветского пространства, принадлежащие к разным «волнам» миграционного потока, да и в целом — это люди, весьма различающиеся по личным, профессиональным и социально-экономическим обстоятельствам миграции. Их этническая самоидентификация, лояльность родному государству, принадлежность к определенному поколению и способы выражения взаимной солидарности могут быть совершенно разными и меняться довольно легко в зависимости от их статуса и жизненных траекторий.

Определение «русскости» этой группы далеко не однозначно, так как по большому счету их идентификация с русским языком, культурой и историей указывает скорее на общее воспитание и происхождение из бывшей советской «империи», чем на этническую принадлежность или гражданство. Действительно, и термин «россияне», обозначающий «граждан Российской Федерации», и термин «русские», имеющий отношение к собственно этническому происхождению, являются слишком узкими и конкретными для того, чтобы применить любой из них к этой мигрантской группе в целом. Термин же «соотечественники», использованный российским правительством в рамках законодательства и программных документов в отношении «диаспоры», является еще более проблематичным из-за его крайне политизированного характера [Byford 2012; см. также: Мурадов 2007]. Чаще всего для этой категории мигрантов используется термин «русскоговорящие» (русскоязычные или руссофоны), так как она включает в себя — говоря нарочито неопределенно и политкорректно [Byford 2009] — гораздо более широкие и смешанные группы бывших советских граждан³. Не следует также забывать о влиянии,

в демографическом исследовании Соединенного Королевства (с. 6). Та же цифра указывается ею и в отдельных отчетах о сообществах мигрантов из Украины и других стран бывшего СССР: www.iomlondon.org/publications.htm. Исследования по постсоветским русскоязычным мигрантам в Британии см. (в хронологическом порядке): [Darieva 2004; Kornina 2005; Morgunova 2006; Morgunova 2007; Morgunova, Morgunov 2007; Black, Markova 2007; Байфорд 2009; Byford 2009; Макарова, Моргунова 2009; Печурина 2009; Pechurina 2010; Печурина 2011; Byford 2012]. Также см. проект BBC «Лондонград»: news.bbc.co.uk/hi/russian/in_depth/2007/londongrad/default.stm. Дата обращения по всем ссылкам в статье: 15.05.2012.

2 Вполне очевидно, что рост числа мигрантов — феномен общемировой. К сожалению, в силу ограниченного объема эта статья не включает сравнительный анализ и концентрирует внимание только на ситуации Великобритании. Некоторые примеры исследований постсоветской русскоязычной миграции в других западноевропейских странах см.: [Dietz 2000; Münz, Ohliger 2003; Darieva 2004; Laitin 2004; Зайончковская 2004; Kolstø 2006; Isurin 2011].

3 Многие из тех, кто родился в СССР, но не является русским или россиянином, тем не менее принимают активное участие в мероприятиях, устроенных самими «русскими» или для них, невзирая на свою разную и неоднозначную идентификацию с собственно русской культурой и историей. Разумеется, у остальных бывших советских народов (украинцы, литовцы, грузины, казахи и т.д.) также есть свои отдельные мигрантские сети и сообщества в Британии.

оказываемом внешней средой: под действием стереотипизированных форм взаимной культурной идентификации в прагматике повседневных взаимодействий феномен «русскости» этого мигрирующего населения невольно упрощается.

Вопрос существования и характера «сообщества» русскоязычных как отдельной мигрантской группы в Великобритании является одним из основных для единственного в своем роде полномасштабного этнографического исследования на эту тему, опубликованного на настоящий момент, — книги «Миграция с востока на запад» Хелен Копниной [Korņina 2005]⁴. Понятие «сообщество» многократно подвергалось критике за частое, порой противоречивое и непоследовательное использование [Suttles 1972; Anderson 1991; Cohen 1997; Delanty 2003]. Особенно проблематичным оказалось использование понятия «сообщество» одновременно как *практической* и *аналитической* категории. В подобном «смещении регистров» в работе по русскоязычным мигрантам в Великобритании можно уличить и саму Копнину. Изначально ее этнография фокусируется на упоминаниях и определениях «сообщества», производимых самими социальными субъектами. Анализируя их, она показывает, что в конце 1990-х годов русскоязычные мигранты о существовании *большого* «сообщества» в их рядах говорили весьма неуверенно, относясь к этой идее довольно скептически. Тем не менее впоследствии, пытаясь объективно описать подгруппы и субкультуры этих мигрантов, Копнина приходит к выводу, что на самом деле русскоязычные жители Великобритании формируют нечто, названное ею «*субсообществами*» (*sub-communities*), т.е. небольшие социальные сети, основанные на общности географического положения, проблем интеграции, интересов и обменных потоков. Соотношение же между, казалось бы, вполне реальными, объективно существующими «субсообществами» и довольно иллюзорным, существующим лишь умозрительно, более широким «сообществом» русскоговорящих мигрантов в Великобритании — тем, что я для удобства буду далее называть «*большим сообществом*» (*community-at-large*), — в аналитической схеме Копниной остается довольно неясным. Однако это не сильно влияет на ее этнографию в целом, поскольку рассматриваемые ею дискурсы трактуют это «большое сообщество» только как сомнительную гипотезу или, в лучшем случае, как многообещающий проект.

Выполненный Копниной анализ расплывчатых рассуждений о «сообществе» самих русскоязычных мигрантов [Korņina 2005: 91—95], особенно когда речь заходит об их пояснениях относительно очевидной неудачи социальной и национальной солидарности между ними, отчасти не потерял своей актуальности [Байфорд 2009: 102—103]⁵. Однако если учитывать, что полевая работа Копниной проходила в конце 1990-х годов, когда русскоговорящее население Великобритании было еще относительно немногочисленным, то можно

4 Авторы других работ о русских в Великобритании также обращаются к проблеме определения сущности такого «сообщества». О «русских Британии» как «воображаемом сообществе» см.: [Pechurina 2010]; о значении виртуальных «сообществ» см.: [Morgunova 2007: 116—118].

5 Однако моя собственная полевая работа подтверждает, что сейчас среди самих русскоязычных мигрантов появилось куда больше различных точек зрения по этому вопросу, чем во время этнографического исследования Копниной, и варьируются они от полного отрицания до страстного уверения в существовании среди них этого «большого сообщества».

сказать, что ее исследование еще не застало тот феномен, который во второй половине 2000-х годов стал настоящим бумом «сообщества» во всех видах его общественных проявлений. Действительно, ее вывод, что русское сообщество в Великобритании можно охарактеризовать как «невидимое» [Корпіна 2005: 83–84], уже устарел. По достижении определенной критической массы многие члены этой иммигрантской группы начали принимать самое активное участие в различных формах институциональной самоорганизации и (пере)определения своей коллективной идентичности. В настоящее время значительное количество различного вида ресурсов вкладывается в *театрализованное представление и разыгрывание* «сообщества», сопровождаемое беспрецедентным подъемом уровня мобилизации и сценического таланта.

В статье рассматриваются некоторые из ключевых особенностей этой специфической деятельности современных русскоязычных мигрантов Великобритании. Используя различные источники данных, в том числе этнографическое включенное наблюдение, глубинные полуструктурированные интервью⁶, русскоязычную мигрантскую прессу, а также некоторые интернет-материалы, я анализирую множество различных практик, дискурсов и идеологий «сообщества», появившихся у русскоязычных мигрантов современной Британии. В частности, я рассматриваю тот ритуал и сопутствующую ему риторику, через которые «большое сообщество» в указанном выше смысле социально и символически конструируется и деконструируется во время исполнения.

Уместность использования термина «исполнение» (performance) в этом контексте заключается в том, что он не подразумевает, что это «сообщество» обязательно основано или создано посредством социальных сетей или связей (например, базирующихся на материальном или символическом обмене), или уз социальной солидарности, или даже некоторой воображаемой коллективной идентичности, — все они видятся проблематичными при анализе проявлений «большого сообщества» у географически удаленных и социально разрозненных постсоветских русскоговорящих мигрантов, в данный момент живущих и работающих в Великобритании. Вместо этого понятие «исполнение» концептуализирует «сообщество» с точки зрения конкретных *моментов* театрального действия, игры и опыта, в рамках которых «сообщество» возникает в первую очередь как *перформативный* результат сложных случаев театрализованного (само)наблюдения.

Использование мной понятия «исполнение» опирается в этом смысле на целый ряд самостоятельных, но взаимосвязанных традиций. Во-первых, на теорию социального взаимодействия в драматургической социологии Ирвинга Гофмана [Goffman 1990] и антропологии ритуального действия Виктора Тернера [Turner 1987]⁷. Во-вторых, мое понимание «исполнения» существенным образом базируется на понятии «перформативности», введенном Джоном Остином в его теории речевых актов [Austin 1975] и разработанном далее

6 Подробнее о моей полевой работе и проведенных интервью можно узнать здесь: Newsletter. 2008. June. № 1. P. 7–9, — в частности, о проекте «Национальная идентичность в России с 1961 года: Традиции и детерриториализация»: www.mod-langs.ox.ac.uk/russian/nationalism/newsletter.htm. Транскрипты формальных интервью хранятся в Архиве русской живой истории Оксфордского университета: www.ehrc.ox.ac.uk/lifehistory/index.htm.

7 Однако я не включаю здесь чуть ли не мистические аспекты его совместной с женой Эдит работы, посвященной концепции *коммунитас* [Turner 2012].

в русле постструктурализма (например, Жаком Деррида) и феминизма (например, Джудит Батлер). Подробнее о последней традиции можно прочесть, в частности, у Джеймса Локсли [Loxley 2007], а для более широкого изучения литературы по «перформативности», включая и другие традиции (например, по «искусству перформанса»), см.: [Carlson 2004].

Как станет ясно далее, разыгрывание «сообщества» среди русскоязычных мигрантов в Великобритании производится в первую очередь самими предполагаемыми членами этого «сообщества» для себя: они участвуют в них одновременно как драматурги, актеры и зрители, как постановщики, герои и интерпретаторы. В то же время эти спектакли неизменно разыгрываются среди и для «других» (в данном случае обычно для «коренного» населения Великобритании), во взаимодействии с которыми — зачастую в противопоставлении с ними, но и в их глазах — в этом разыгрывании возникает «сообщество». Этот «перформанс сообщества» я не рассматриваю как стилизованные миметические репрезентации уже существующего «сообщества» (либо фактического, либо воображаемого). Я также не рассматриваю такие представления как ритуализированные церемонии, работающие на укрепление солидарности и идентичности сообщества в процессе его «создания». Мой тезис заключается в том, что в данном контексте «сообщество» проявляется и приобретает свой смысл *именно в процессе самого исполнения* или, иными словами, что «сообщество» здесь *и есть* его «исполнение». И самое главное, о чем более чем ясно говорит онтологическое исследование перформативности (см., например: [Butler 1990]): это вовсе не означает, что «сообщество» есть просто «игра», банальное «притворство» или театральная «иллюзия».

ПРАЗДНИК «РУССКАЯ ЗИМА»: «СООБЩЕСТВО» КАК СПЕКТАКЛЬ

Образцовым примером такого перформативного зрелища «большого сообщества» «русских в Великобритании» может стать фестиваль «Русская зима», проводившийся ежегодно в конце 2000-х во второе воскресенье января на Трафальгарской площади в Лондоне⁸. Мой анализ основан на полевых наблюдениях, которые я вел на этом мероприятии в 2008 году. В целях обеспечения безопасности постановка этого фестиваля включала в себя организацию двухуровневого пространства для публики. «Внутренний круг» размещался в середине Трафальгарской площади, вокруг сцены, устроенной с более низкой, южной стороны площади. Вокруг «внутренней аудитории», отделенной невысокими металлическими барьерами, располагалось «внешнее простран-

8 Этот фестиваль проводился в течение нескольких лет в конце 2000-х годов. Организатором была группа компаний «Eventica», а поводом — Российский экономический форум. Инициатива поддерживалась со стороны мэрий Лондона и Москвы. С подробностями проведения четвертого фестиваля в 2008 году можно ознакомиться здесь: www.eventica.co.uk/?p=283. Отчеты о прошедшем мероприятии появились в газетах русскоязычной диаспоры [Лондон-Инфо 2007b; 2008c; Англия 2008a; Пульс UK 2008]. В 2011 году место этого праздника занял весенний фестиваль «Русская Масленица» (www.maslenitsa.co.uk), организованный компанией «Ensemble Productions Co.» (www.ensembleproductions.co.uk), изначально проводившийся в другом месте (в 2009-м и 2010 годах — на Тауэрском мосту), но затем, начиная с 2011 года, переместившийся на Трафальгарскую площадь.

ство», предназначенное для прохожих, которые могли прогуливаться около «внутреннего круга» и любопытствовать, что происходит как внутри, так и на самой сцене, с возвышенной части площади на северной стороне, по соседству с Национальной галереей.

Аудитория «внутреннего круга» — это не простые зрители, но ключевая часть публично демонстрируемой «русской общины Великобритании». Барьеры, контролируемые охранниками, становились символическими границами этого «демонстрируемого сообщества»: принятие решения о том, чтобы пройти в центр площади (что можно было сделать совершенно бесплатно, только иногда приходилось отстоять небольшую очередь), означало ритуальное присоединение к сообществу или, если говорить точнее, включение в представление этого сообщества. На самом деле, конечно, «внутренняя» и «внешняя» аудитории смешивались, включали в себя как «русских», так и «британцев», представителей других национальностей, а также случайных туристов, хотя во «внутренней аудитории» «русские» обычно преобладали, особенно по мере приближения к сцене. Тем не менее такая градация, определявшая распределение ролей в этом разыгрывании «сообщества», была создана руководством самого мероприятия, а не объективной национальной принадлежностью или субъективными идентичностями собравшихся.

Самое главное заключалось в том, что в оцепленном пространстве «внутренняя аудитория» не просто наблюдала за выступлениями на сцене, но сама играла роль — изображала «сообщество» (под неустанные призывы к этому), поднимая флаги, подпевая и пританцовывая под русскую народную, поп- и рок-музыку, поглощая русские напитки и еду, а также активно общаясь с ведущими и исполнителями на сцене. Большая часть этого представления «сообщества» была задумана как демонстрация для Другого (в данном случае — для «внешней аудитории») и потому включала в качестве ключевых компонентов сценографии всего события легко узнаваемые, стереотипные национальные и культурные образы. Однако некоторые элементы программы (например, музыкальные номера с ностальгическим оттенком или юмористические скетчи с культурно специфической тематикой) намеренно были сделаны непонятными для нерусской части публики, таким образом, выполняя роль в представлении исключительно внутреннем, «для своих». Но вопрос, кто именно участвует в представлении, что именно разыгрывается и для кого, так и остается весьма неоднозначным. Смысл каждого элемента этого спектакля, по сути, множественен и неочевиден.

Чтобы проиллюстрировать свою точку зрения, приведу всего один пример. На фестивале 2008 года первым над головами собравшейся толпы появился красный советский флаг, которым энергично махал совсем молодой человек, которой родился не раньше, чем на самом закате эпохи СССР. Чуть позже к нему присоединился российский триколор, а затем и черно-желто-белый флаг династии Романовых. В чем смысл такого демонстративного появления именно *советского флага* в этой ситуации?⁹ Три развевающихся вместе флага можно рассматривать как символ примирения разных эпох русской истории, в частности отражающий и стратегическую реабилитацию советского прошлого, а также его возвращение в более жесткую российскую национальную

9 Более подробно об интерпретации поднятия советского флага на этом мероприятии в контексте перформативного конструирования «воображаемого СССР» в дискурсе русскоязычных мигрантов, проживающих в Великобритании, см.: [Байфорд 2009].

идентичность эпохи Путина в начале 2000-х годов. Но каким образом советский флаг говорит с толпой, собравшейся на Трафальгарской площади, и что он говорит о ней? Возможно, он дает понять, что это событие, хотя и под названием «Русская зима», ни в коем случае не представляет «сообщество» исключительно тех, кто является гражданами современной России, но обращается к общему культурному и историческому прошлому всех бывших советских граждан, которые в настоящее время проживают в Великобритании?

Или это такой же символ, как ветеран советского рока группа «Алиса», чье выступление закрывало это событие, — отчасти ностальгический, но и слегка насмешливый призыв вспомнить «былые времена», которые эти мигранты во многих отношениях оставили позади? Но каков тогда точный смысл этой ностальгии, если флаг реет среди шарфов футбольного клуба «Зенит» из Санкт-Петербурга¹⁰, причем под звуки последних поп-хитов Димы Билана, русской звезды Евровидения, на фоне Национальной галереи, колонны адмирала Нельсона и статуй британских львов, украшающих Трафальгарскую площадь? И все это происходит в день, когда отмечается Старый Новый год — праздник по докоммунистическому, русскому православному календарю?

Или советский флаг — это просто один из предметов привычного реквизита, ничем особо не отличающийся, скажем, от гигантских матрешек, которые также были представлены на событии, т.е. это мотив «экзотической России», который лондонцы, несмотря на его анахронизм, смогут легко переварить как еще один вклад в яркое, мультикультурное разнообразие их города? Но если это так, то происходит ли «переодевание» в культурные стереотипы с долей кокетства или в ироническом ключе? В конце концов, что же означает советский флаг для британского Другого? Холодную войну, идея которой в то время, к раздражению российского дипломатического корпуса, доминировала в статьях британских СМИ как образ российско-британских отношений в свете дела Литвиненко (упоминания о котором на самом событии изо всех сил старались избегать)?¹¹ Или же флаг относит нас к англо-советскому альянсу времен Второй мировой войны, который Кен Ливингстон, мэр Лондона в 2008 году, известный как Красный Кен за его социалистические взгляды, упомянул в своем выступлении на фестивале, обращаясь к борьбе против фашизма как, кажется, к единственной эпохе в истории российско-британских отношений, о которой стоило бы помнить?

Весьма неочевидно, что же скрывается за таким представлением сообщества, каковы его социальный референт или культурное значение. Различные члены этой мигрантской группы, принимающие участие в этих спектаклях в качестве исполнителей, активных зрителей или более отдаленных наблюдателей из «внешнего круга», выразили бы весьма разную степень своей ассоциации с такой культурной идентичностью и представлением сообщества, а даже если бы и признали эту связь, то их идентификация, вероятно, была бы подана с иронической дистанцией. Однако эта неуловимость смысла происходит не из какой-то внутренней неоднозначности социальной и культурной идентичности отдельных индивидов или этой группы мигрантов в целом, но является следствием непредсказуемых ситуационных случайностей таких

10 На тот момент «Зенит» главенствовал в мировом футболе — в 2008 году команда стала европейским чемпионом и призером Суперкубка УЕФА.

11 Об Александре Литвиненко см., например, некролог Тома Парфитта в газете «The Guardian» от 25 ноября 2006 года: www.guardian.co.uk/news/2006/nov/25/guardianobituaries.russia.

представлений как *перформансов*. Иными словами, неясность того, *кто исполняет, что и для кого* в каждом таком исполнении, зависит не от неуловимости этих «кого», «чего» и «для кого» самих по себе, но от «плотности» их переплетения в динамике самого исполнения¹².

МЕЖДУ «СУБСООБЩЕСТВАМИ» И «БОЛЬШИМ СООБЩЕСТВОМ»

В конце 2000-х годов публичное представление «русских в Британии» как именно «*большого сообщества*» стало не просто весьма заметной практикой «сообщества» русскоязычных жителей Великобритании (о чем свидетельствует приведенный выше пример), но и основополагающим видом разыгрывания «сообщества» как такового. Под этим я подразумеваю, что поведение на уровне того, что Копнина [Kopina 2005: 99–128] называет «субсообществами», в настоящее время тесно связано и зависит от *одновременного* (явного или неявного, прямого или косвенного) разыгрывания «большого сообщества». Хотя большинство перформансов «сообщества» русскоязычных мигрантов Британии планируется и рассчитано на вполне конкретные группы людей (которые могли бы, следуя Копниной, определить свою практику сообщества только в пределах относительно узких «субсообществ»), в настоящее время они оказываются неизменно вписанными в расширенную сеть взаимосвязанных представлений, которые происходят по всей стране и включают (практически по умолчанию, по срабатывающей ассоциации) «большое сообщество», становящееся неотъемлемой частью их перформативного развития.

Это вовсе не означает формирования у этой группы мигрантов какой-либо общей согласованной социокультурной идентичности или осознания себя как единого целого. Принцип и результат проявления этого «большого сообщества» в том или ином конкретном представлении ощутимо меняются от одного случая к другому. Действительно, если рассматривать культурное содержание различных исполнений «сообщества» русскоязычных мигрантов Великобритании сегодня, то поражает удивительная «солянка» ритуальных форм и помещенных в них противоречивых значений, ровно как мы видели выше в примере с праздником «Русская зима». Разыгрывание сообщества варьирует от коллективных занятий народными танцами (чье региональное происхождение далеко не всегда очевидно) до демонстрирования «высоко-лобых» знаний по истории советского периода на викторинах и соревнованиях (см., например: [Лондон-Инфо 2006a]); от проявлений православного благочестия на церковных службах и совместных чаепитиях после них до иронического переодевания в костюмы с советской военной атрибутикой для маскарадов; от псевдоцарских балов для «высшего общества» (см., например: [Лондон-Инфо 2004a; 2008b]) до обязательных торжеств по случаю «женского дня» 8 Марта (см., например: [Лондон-Инфо, 2008a; Смирнова 2008]); от беспощадных вечеринок с водкой для загруженных работой яппи Лондонского Сити до постановок детских спектаклей по мотивам традиционных русских сказок на утренниках в школах выходного дня.

12 Я обращаюсь здесь к термину «насыщенное описание» Клиффорда Гирца [Geertz 1973: 3–30], а именно к сложному напластованию несущих смысл структур и внутреннему переплетению интерпретаций как фундаментальному принципу этнографического понимания социального или культурного выражения.

Исполнения «сообщества» на местном уровне могут, конечно, демонстрировать вполне конкретные черты «русских в Великобритании» как «большого сообщества». Например, определенное мероприятие сквозь свой общий дискурс и использованный реквизит может подчеркнуть (стратегически детерриториализованную и лишенную исторического контекста) *постсоветскую* идентичность этого «сообщества», представляя эту диаспору как собрание на британских землях выходцев со всего постсоветского пространства независимо от их этнической принадлежности или гражданства в какой-либо отныне суверенной постсоветской стране. Другое действо может, напротив, подчеркивать *англо-русский* характер этой диаспоры, отображая его как своего рода «брак» «лучших сторон» русской и британской культур, которые, как правило, представлены в предельно романтизированном и эфемерном виде. Это особенно распространено в контекстах, где преобладают смешанные, русско-британские пары или наблюдается существенное присутствие «русофилов» из британского населения. Другие представления могут актуализировать «русских в Британии» как одну из ячеек *глобальной русскоговорящей диаспоры* — например, в Великобритании организуются чтения «транснациональной» поэзии, интеллектуальные викторины или спортивные соревнования, для участия в которых прибывают представители русскоязычных сообществ со всего мира. Некоторые из мероприятий могут быть рассчитаны исключительно на *экспатов из Российской Федерации*, чтобы с должным патриотизмом продемонстрировать их богатство, власть и авторитет на международной арене, в то время как другие, как полная противоположность, показывают «русских в Великобритании» в качестве *иммигрантского миноритарного сообщества*, следуя британской мультикультурной модели [Betts 2002], — это особенно характерно для тех представлений, которые ставятся при поддержке британских муниципалитетов и зависят от их грантов. Конкретные перформансы сообщества будут сочетать в себе элементы различных изображений «русских в Британии» как «большого сообщества» в зависимости от конкретного перформативного контекста, целевой аудитории и прагматической цели.

Как должно быть ясно из этих примеров, локальные исполнения обычно актуализируют «большое сообщество» *по своему (локальному) образцу*. Тем не менее «большое сообщество» также может быть представлено более опосредованно, когда «субсообщество» через свое представление вписывается в него, часто создавая отношения *взаимного наблюдения*. Приведу пару контрастных примеров, иллюстрирующих, что именно я имею в виду.

Сообщество «Русские в Сити» («Russians in the City») — закрытую сеть молодых русскоязычных высококвалифицированных профессионалов, работающих в лондонских инвестиционных банках и фондах, — можно рассматривать как «субсообщество» *par excellence* «русских в Великобритании», его границы установлены довольно четко и охраняются крайне внимательно¹³. В то же время во многих своих внутренних коммуникациях (например, в периодических бюллетенях) организаторы этой сети с разной долей сарказма

13 См.: www.russiansinthecity.org. Моя полевая работа в 2008 году включала интервью с одним из организаторов и несколькими членами этой сети. Один из них предоставил мне доступ к информационным бюллетеням и ссылкам на сайт сообщества. Однако провести включенное наблюдение не представлялось возможным в силу строгих критериев членства (как профессиональных, так и национально-культурных). См. также статьи об этой группе в газетах «Бизнес-Инфо» [Бизнес-Инфо 2004] и «Лондон-Инфо» [Лондон-Инфо 2006b].

комментируют другие публичные проявления «русских в Британии» как «большого сообщества», исполненные другими мигрантами «где-то там», за пределами Лондонского Сити (конечно, скорее как некоей профессиональной, чем сугубо географической территории). Таким образом, в данном случае воспроизводство внутренних связей «субсообщества» заключается в превращении его в удаленную *аудиторию* наблюдателей и комментаторов, следящих за представлением «большого сообщества» со стороны.

Совсем другой пример представляет школа-сообщество под названием «Дружба», базирующаяся в городе Эрит графства Кент, в пригороде Лондона¹⁴. Это одна из тех школ выходного дня для детей русскоговорящих мигрантов, которые стали появляться как грибы после дождя по всей Великобритании начиная с середины 2000-х годов¹⁵. Создание и функционирование таких школ всегда в значительной степени зависит от их саморекламы в качестве ключевых для диаспоры мест. Для этого школы неизменно включают в свою учебную и внеклассную деятельность широкий репертуар «перформанса сообщества», в том числе школьных утренников, празднований традиционных русских праздников, художественных выставок, концертов, песенных и танцевальных конкурсов, спортивных соревнований, культурных экскурсий и так далее, часто стремятся вовлечь в них как родителей, так и детей.

В случае руководства школы «Дружба» перформанс «сообщества» стал, пожалуй, даже более важной миссией, чем работа самой школы. В 2008 году одним из ее самых известных, «фирменных» видов деятельности, в котором принимали участие и взрослые, и дети, стали любительские занятия народными танцами. При этом, однако, деятельность этого «субсообщества» происходила не только во время еженедельных репетиций после уроков, проводившихся в стенах арендованных школой помещений, но и в ряде вполне публичных выступлений, когда танец этот становился вполне отчетливым хореографическим показом «сообщества». Самым амбициозным из таких представлений в то время было участие «Дружбы» в новогоднем параде 2008 года в Лондоне — это шумное и красочное карнавальное шествие различных представительств «сообществ» Великобритании (не обязательно национальных или этнических) призвано иллюстрировать британский мультикультурализм и дух общинности¹⁶.

14 Со времен моего полевого исследования в 2008 году школа значительно расширилась. Подробнее о ее деятельности можно узнать здесь: www.druzhiba.org.uk.

15 Первой в этом ряду была Лондонская школа русского языка и литературы, учрежденная в 1999 году: www.russian-school.co.uk. В большинстве крупных городов Британии есть по крайней мере одна подобная школа. Вот несколько примеров: www.znaniye.com; camrusschool.co.uk; www.russianedinburgh.org.uk. В ходе полевой работы в 2008 году я посетил шесть школ в Лондоне и две в Оксфорде, где в рамках включенного наблюдения присутствовал как на уроках, так и на внеклассных мероприятиях (включавших праздники и представления), а также провел формальные и неформальные интервью с педагогическим составом, родителями и учениками этих школ.

16 О новогоднем параде 2008 года и участии в нем «Дружбы» см.: [Англия 2007а; 2008b]. В 2008 году эта школа тоже участвовала в Лондонском фестивале на Темзе [Англия 2008c] и принимала участие в других мероприятиях русскоязычной диаспоры, например в фестивале «Пушкин в Великобритании» [Беван 2006]. Антропологический анализ подобных мероприятий в Великобритании (особенно карнавала в Ноттинг-Хилле) см.: [Cohen 1993].

Хотя разыгрывание «сообщества» «Дружбой» (на этом и других мероприятиях) в первую очередь, причем весьма эффективно, устанавливает подлинность связей внутри конкретного «субсообщества» и хотя эти действия сами по себе не влекут за собой какого-либо прямого указания на «большое сообщество», тем не менее оно создается *подспудно*, как основная *аудитория* этих выступлений, наряду с аудиторией из числа британских «хозяев». Получается, что «большое сообщество» «русских в Великобритании» появляется — именно как *аудитория* — в процессе афиширования участия «Дружбы» в новогоднем параде (как до этого события, так и после него) лондонскими русскоязычными мигрантскими газетами. Они создают для этого события перформативный контекст второго порядка, предлагая ему дополнительную перспективу наблюдения. Эта точка зрения превращает хореографические этюды «Дружбы» о солидарности «субсообщества» в *образец* практики «сообщества» для «русских в Великобритании» в целом.

«СООБЩЕСТВО» НАПОКАЗ: МИГРАНТСКАЯ ПРЕССА

Представления «сообщества», театральность которых вполне буквальна в большинстве приведенных выше примеров, можно и на самом деле даже должно понимать более широко. Разыгрывание «большого сообщества» мигрантов происходит не только в виде постановочных празднеств, культурных мероприятий или общественных акций, но и в различных других формах¹⁷. Особенно важную роль в этом контексте, как уже было указано в предыдущем примере, играют русскоязычные еженедельные газеты для диаспоры, которые служат важным средством демонстрации «сообщества» как через свою редакционную, дискурсивную и представительскую стратегию, так и посредством материального присутствия на улицах Лондона¹⁸. 2007–2008 годы, в течение которых я проводил полевые наблюдения, оказались периодом расцвета этого вида прессы — динамичным этапом бурно развивающейся области деятельности, отмеченным значительной конкуренцией за читателя.

Не все подобные газеты изображали «сообщество» в равной степени или одинаковым образом. Старейшее в Великобритании постсоветское издание «Лондонский курьер» основано в 1994 году. Эта газета лидировала в списке прочих до начала 2000-х годов, однако даже в конце 1990-х ее редакторы давали относительно скромные оценки того, в какой степени их публикации служили «своего рода координационным центром» и «в своем стиле подиумом для сообщества» [Kornina 2005: 97]. Более того, они, похоже, в принципе не особо верили в проявление такого «сообщества» за пределами своих публикаций [Kornina 2005: 80–81; см. также: Darieva 2004: 238–250].

17 Это также относится к интернет-сайтам, рекламирующим русскоязычные объединения и СМИ в Великобритании. Интернет-форумы и группы в социальных сетях, учрежденные русскоговорящими жителями Британии, тоже играют роль в театрализованном и ориентированном на показ действе сообщества. Так как моя полевая работа не включала в себя онлайн-этнографии в каком бы то ни было виде, отсылаю за подробным анализом этой сферы к работе Оксаны Моргуновой [Morgunova 2007].

18 Для ознакомления с форматом этих газет см. статью Константина Рожнова «Газетный мир русскоязычного Лондона»: newsvote.bbc.co.uk/hi/russian/uk/newsid_6394000/6394125.stm.

Первым конкурентом «Лондонскому курьеру» стала газета «Лондон-Инфо», созданная в 1998 году. Хотя первоначально это была довольно скромная газета объявлений, примерно с середины 2000-х годов она решила воспользоваться значительным ростом числа русскоговорящих мигрантов и стала позиционировать себя более амбициозно — как газетную хронику формирования более широкого «сообщества» «русских в Великобритании». Тем не менее в 2009 году «Лондон-Инфо» прекратила свое существование и была заменена на британскую версию парижской газеты «Русская мысль». В целом этот тип прессы сильно пострадал из-за финансового давления, вызванного рецессией, растущей конкуренцией и расширением области влияния Интернета.

В 2006 году на сцене появились две новые газеты — «Англия» и «Пульс UK», основанные на принципиально иной бизнес-модели бесплатных газет, окупающих себя за счет публикации рекламы. Из них больше ориентировалась на деятельность растущего «сообщества» русскоговорящих мигрантов именно «Англия», которая регулярно публиковала отчеты о расширяющейся сети мигрантских объединений, бизнес-акций и других событий.

Основным форматом демонстрации «сообщества» в таких газетах, как «Лондон-Инфо» и «Англия», была прямая и косвенная реклама. В дополнение к колонкам объявлений, размещенных частными лицами, эта пресса содержит рекламу коммерческих предприятий и общественных мероприятий, а также широко освещает культурные инициативы и общественные проекты мигрантов, фактически работая как та же реклама. Например, глава школы русского языка выходного дня может вести регулярную колонку по педагогической психологии, имеющую отношение к воспитанию детей эмигрантов в новой стране, но одновременно работающую как реклама этой школы¹⁹. Адвокат может предоставить общие рекомендации по иммиграционному законодательству, в то же время приглашая к себе на консультации²⁰.

Таким образом, эти газеты посредством прямого или косвенного маркетинга символизируют форму «внутреннего рынка» для мигрантов: они направляют и опосредованно укрепляют различные формы коммерческого, социального и культурного обмена в мигрантской среде. Функция подобной демонстрации — не просто механическое агрегирование и передача соответствующей информации. Такие газеты также показывают этот «рынок» именно как «сообщество». Более точно выражаясь, газеты представляют «рынок» и «сообщество» *в их соприкосновении и взаимозависимости*. «Сообщество на показ» становится существенным дополнением, катализатором и легитимирующим фактором всех обменов, происходящих на «рынке» для мигрантов, независимо от того, насколько на самом деле применимым может быть понятие такого «сообщества», и от того, верят ли и проявляют ли заботу о существовании такого «сообщества» те, кто участвует в этих обменах (в том числе и в роли создателей и потребителей газетного дискурса), или же относятся к нему скептически.

Кроме того, учитывая, что эти газеты сами являются формой коммерческого и культурного предпринимательства, они используют проявления такого «сообщества» как часть *их собственной* рекламы. Однако важно отметить,

19 Например, постоянная рубрика «Профессия — родитель» в газете «Лондон-Инфо», которая велась с 2004-го по 2008 год преподавателями школы «Русская гимназия № 1».

20 Например, постоянный раздел «Юридический ликбез» в газете «Лондон-Инфо», который с 2004-го по 2008 год велся сотрудниками юридической фирмы «Law Firm Ltd».

что британская русскоязычная мигрантская пресса, как правило, систематически избегает роли «голоса сообщества», т.е. не считает себя своего рода представительским органом диаспоры. Вместо этого пресса предпочитает позиционировать себя как нейтральную зону или «сцену», на которой «большое сообщество» представляется другими — как героями-протагонистами, так и персонажами второго плана. Подзаголовок газеты «Англия» — «Наши на острове» — хорошо вмещает в себя эту идею «сообщества напоказ».

«Актерский состав» «героев», которые представляют «русских в Великобритании» и играют на этой «сцене», включает в себя целый ряд «обычных» мигрантов: людей различного происхождения, некоторые из которых представляют более классические примеры определенных ролей, чем другие²¹. Постоянные «актеры», регулярно появляющиеся на страницах этой прессы, — это различные предприниматели из диаспоры, рекламирующие себя и свои проекты, объединения и предпринимательские инициативы, неустанно конкурирующие друг с другом. В список регулярных «героев» также входит ряд таких знаменитостей и высокопоставленных лиц, как посол России или, скажем, принц Майкл Кентский (являющий собой воплощение русско-британских связей по причине его генеалогического родства с российской императорской семьей, а также его коммерческого и культурного интереса к России)²². Олигархи Роман Абрамович и Борис Березовский или знаменитые российские футболисты также появлялись на страницах этих газет, хотя и с аурой нереальности, как постоянные персонажи из СМИ, а не люди из плоти и крови (например: [Лондон-Инфо 2003; 2007а; 2007с]).

Среди «героев» этого спектакля нужно также выделить «местных жителей» острова, британцев, как «простых», так и «известных», которые либо играют роль «хозяев» (часто нагруженных всеми клишированными представлениями о британской культуре, которые только возможны), либо сами попадают в лоно русскоязычного «сообщества» в той или иной ипостаси — через брак, работу, бизнес или культурные интересы²³. Наконец, в качестве важной «актерской» когорты нужно также упомянуть собственных обозревателей и колумнистов газет, которые сознательно принимают конкретные роли комментаторов диаспоры или тех, кто общается с ней напрямую со страниц газет как со своей основной читательской аудиторией. При этом, однако, они обычно говорят от своего имени (или, скорее, от имени своих предполагаемых персонажей), но не от имени самой газеты²⁴.

21 В 2003–2004 годах газета «Лондон-Инфо» вела регулярную рубрику, которая вначале называлась «Община», затем «Наши на Альбионе», потом «Русский Лондон» и в конце концов «Русская Британия». В ней рассказывалось о разных аспектах жизни «простых» русскоговорящих мигрантов Соединенного Королевства.

22 См., например, репортаж, освещающий присутствие принца на соревнованиях по поло «Кубок Ивана Грозного» в 2007 году [Лондонский курьер 2008].

23 Например, Стивен Далziel, исполнительный директор Российско-Британской торговой палаты [Григорян 2008]; или британский студент, который воскликнул как-то: «Мне нужно было родиться русским!» [Лондон-Инфо 2004b]; или историк, занимающийся Россией, профессор Доминик Ливен [Лондон-Инфо 2006с]; или парламентарий от Челси и Фулхем Грег Хэндс, провозгласивший русских «своей любимой нацией» [Англия 2007b].

24 См., например, очень разные колонки Михаила Охерова, Михаила Макаренкова и Наташи Мороз в газете «Лондон-Инфо».

Говоря об этих мигрантских газетах как о «сцене», не следует понимать последнюю в упрощенном виде, т.е. в качестве элемента театральной инфраструктуры. «Сцена» в данном случае является метафорой, которая выражает и то, что на ней что-то разыгрывается, но также (что важно) и то, что что-то *наблюдается*. Действительно, сам факт того, что на страницах этих газет ставится представление, означает, что они и создают пространство для *зрителей*, и *изображают аудиторию*, «наблюдающую» за этим спектаклем. На самом деле то нежелание, которое пресса демонстрирует относительно функции своего рода «голоса сообщества», проявляется именно в избрании приема дистанцированного наблюдения, что выражается, например, в несерьезном, слегка ироническом тоне многих репортажей и редакционных статей, особенно тех, где обсуждаются общие черты русского «сообщества»²⁵. И все же эти газеты не относятся к своим читателям лишь как к далекой аудитории: скорее они приглашают их, с одной стороны, узнать и вступить в то «сообщество», которое репрезентируется на их страницах, а с другой — взять на себя роль зрителей, наблюдающих этот спектакль. В общем же то, что здесь происходит, представляет собой двойственное самонаблюдение, которое, как уже отмечалось в предыдущих примерах, является важнейшим компонентом сообщества-в-исполнении.

ТЕАТР «ПОЛИТИКИ СООБЩЕСТВА»

Как должно быть ясно из вышеизложенного, перформанс «сообщества» никогда не бывает *просто* «частью театра». Решающее значение для разыгрывания «сообщества» имеет не только его театральное или ритуальное воплощение как таковое, но и дискурсивная артикуляция и легитимация (а в некоторых случаях и делегитимация) «сообщества», которое является составной частью этих представлений или же кристаллизуется вокруг них. Перформативная роль этого дискурса по отношению к «сообществу» возникает в той риторике, посредством которой иницируются и инсценируются идея «сообщества» и природа отношений солидарности внутри группы (как фактической, так и воображаемой), причем неважно, подтверждает ли эта риторика существование «сообщества» или, наоборот, опровергает его.

Те, кто проявляет наибольшую активность в разыгрывании «сообщества», как и следовало ожидать, с наибольшей вероятностью будут заинтересованы в риторическом (а значит, и перформативном) наделении «сообщества» легитимностью и реальностью. Их дискурс, как правило, предполагает, что «сообщество», которое они столь удачно разыгрывают, уже существует. Тем не менее можно услышать, как некоторые из них сетуют на отсутствие «настоящего» сообщества русских в Великобритании. Неудивительно, пожалуй, что эта жалоба зачастую исходит от тех, кому не удалась роль «импресарио сообщества», чьи представления в результате прошли не вполне удачно, а также тех мигрантов, которые по тем или иным причинам были вытеснены на периферию действий и, как следствие, больше не испытывают желания принимать участие в похожих перформансах²⁶.

25 См., например: [Григорян 2007]. См. также: [Лондон-Инфо 2005] — обзор фестиваля «Русская зима» 2005 года, озглавленный с аллюзией на «Там русский дух, там Русью пахнет».

26 Судя по интервью с более чем сотней мигрантов, более 75% которых активно участвуют в деятельности сообщества в том или ином виде.

Кроме того, театрализованное представление «большого сообщества» среди русскоговорящих мигрантов в Великобритании превратилось в настоящую «культурную индустрию» — социально не бескорыстную деятельность, требующую значительных инвестиций, культурного предпринимательства и постоянных «махинаций» от самых амбициозных активистов этой отрасли, что приводит к ожесточенному соперничеству между некоторыми из них и формирует целое поле микрополитики внутри сообщества. Именно это усиление конкуренции вызвало значительную активизацию общественных представлений «сообщества» в конце 2000-х годов, делая их все более амбициозными, и целый ряд организаций начал позиционировать себя (правда, не всегда успешно) в качестве представительских ассоциаций, якобы говорящих от имени русскоязычного «большого сообщества» Великобритании²⁷.

Наиболее заметным событием такого рода является ежегодный Форум российских соотечественников Великобритании, проходящий в Лондоне с 2007 года, в котором участвуют представители различных русскоязычных объединений и организаций, в том числе русских школ выходного дня, ассоциаций экономической поддержки мигрантов, студенческих сообществ, работники средств массовой информации, центров русской культуры, а также заинтересованные британские русофилы; активно участвует и российский политический истеблишмент, чьим детищем в первую очередь и была эта инициатива²⁸. Последующий материал в основном базируется на (анонимных) формальных и неформальных интервью с рядом активистов русскоязычной диаспоры и участниками этих форумов, проведенных в 2007—2008 годах.

Первый форум в 2007 году закончился выборами так называемого Координационного совета российских соотечественников, хотя это название было стратегически неверно переведено на английский язык как «The Russian-Speaking Community Council», т.е. «Совет русскоязычного сообщества»²⁹. Организация этого первого форума не обошлась, однако, без некоторых довольно язвительных обменов мнениями между соперничающими группами активистов диаспоры — в частности, между ассоциацией школ русского языка под названием «Eurolog» и группой, называющей себя «Община». Ссора между ними была вызвана тем, что каждая, публично осуждая соперника в Интернете, полагала себя более достойным кандидатом на получение поддержки российского чиновничества и возглавление инициативы по «консолидации и унификации» русской диаспоры в Великобритании³⁰. На форуме 2007 года и после него разгорелись новые распри, с жалобами со стороны некоторых деятелей о якобы недемократических выборах Координационного совета, состав которого, как утверждалось, служил интересам определенных предпринимателей диаспоры за счет других [Byford 2012: 727—732].

27 Два наиболее очевидных примера — это портал русскоязычного сообщества (www.russian-council.co.uk) и «Община» (www.obshina.org). См. обзор истории последней организации, представленный как серия перформансов: www.obshina.org/community/documents/download/istoriya-russkoyazychnoy-obshiny-velikobritanii,-1997-2007-gody..21.

28 Материалы по первому форуму см., например: [Байкальцев 2007]. Анализ более общего политического подтекста этого события см.: [Byford 2012: 727—732].

29 См.: www.russian-council.co.uk.

30 См., например: www.obshina.org/news/---otkrytoe-pis-mo-russiyskih-sootchestvennikov-prozhivayushih-v-velikobritanii.220.

В целях повышения легитимности Координационного совета одной из стратегий на последующем форуме 2008 года стал проект формирования этого органа как коллегиального, в идеале состоящего из представителей классических «столпов» диаспоры: православной церкви, аристократии, газет, школ, бизнеса, специалистов и студентов. Несмотря на громкие заявления, этот проект был создан в значительной степени «напоказ» и не репрезентировал ни социальной, ни профессиональной структуры мигрантского населения, ни его интересов³¹.

Важным, однако, является то, что разыгрывание этой политики и публичная демонстрация соперничества между основными «импресарио сообщества» как на самом мероприятии, так и во время подготовки к нему сами по себе стали главным представлением. Исполнение «сообщества» тем самым приняло форму *театра «политики сообщества»*. Именно из-за того, что некоторые из активистов стали основными героями в этой публично ориентированной драме, они превратили и себя, и друг друга в соперничающих «лидеров сообщества». И все же, поскольку такое «лидерство» является не более чем театральным эффектом, а также поскольку оно требует познавать реальность через подобные инсценировки, непрерывность их постановки продолжает быть крайне важной для мигрантских инициатив в этой области.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В этой статье были показаны сложность и неоднозначность публичных проявлений диаспорального «сообщества» растущей в последнее время группы постсоветских русскоязычных мигрантов в Великобритании. Акцент был сделан на перформативных исполнениях, через которые в данном случае социально и символически конструируется (и деконструируется) «большое сообщество» «русских в Великобритании». «Сообщество» здесь было проанализировано как перформативное проявление «театрализованного» (в широком смысле) (само)наблюдения. Мой анализ целого ряда подобных ситуаций показал, что социальные референты и культурные означающие таких представлений «сообщества» среди современных русскоязычных жителей Великобритании крайне расплывчаты. Очевидно, это связано с ситуационными случайностями самих представлений — сложным спектром перформативных отношений, которые я пытался определить, отвечая на вопрос о том, кто именно в той или иной ситуации разыгрывает что и для кого.

Этот вопрос поднял следующий: кто за кем наблюдает и с каким результатом? В самом деле, при том что я подчеркнул значимость включения Другого в сложный сценарий проявлений «сообщества», принципиально важной нужно признать именно роль аудитории как таковой. «Инаковость» аудито-

31 Например, форум 2008 года придал большое значение программной речи старой княгини как «представительницы русской аристократии» в Соединенном Королевстве. Тем не менее сама «аристократия», живущая здесь с дореволюционных времен, едва ли является значительной составляющей диаспоры в современной Британии, особенно если сравнивать эту группу, например, с «олигархами». Последние как раз представляют куда более видимую часть русского присутствия в Великобритании, но группа эта, состоящая из обеспеченных бизнесменов, не проявляет ни малейшего интереса к форуму соотечественников и не представлена на нем никаким образом, отдавая предпочтение собственным закрытым кругам общения.

рии не коренится в каких-либо тонких социальных или культурных различиях «идентичности», но кроется в определенной перформативной роли, которая может быть весьма подвижной, пересекая нестабильные границы между «своим» и «чужим». Таким образом, одним из основных выводов этой статьи стало утверждение, что разыгрывание «сообщества» включает в себя частично смещенное самонаблюдение, происходящее за счет сети перекрывающих друг друга перформансов на различных уровнях, особенно с помощью введения неоднозначности и иронического дистанцирования.

Метафора «перформанса» в широком смысле была применена в аналитической и интерпретативной стратегии этой работы не только как инструмент для понимания перформативной динамики собственно постановочных событий, но и как средство изучения других контекстов, где «сообщество» вводилось в действие, — таких, например, как мигрантская пресса. Наконец, это понятие было использовано для переосмысления динамики процесса риторической легитимации самой категории «сообщество», а также для анализа политики разыгрывания «сообщества».

ЛИТЕРАТУРА

- [Англия 2007a] — Лондонский новогодний парад // Англия. 2007. № 45. С. 15.
- [Англия 2007b] — «Русские — моя любимая нация» // Англия. 2007. № 28. С. 1, 10.
- [Англия 2008a] — Матрешки, «Трава у дома» и тяжелый рок в Лондоне // Англия. 2008. № 2. С. 1, 14—15.
- [Англия 2008b] — От новогоднего парада до «Русской зимы» // Англия. 2008. № 1. С. 1, 18.
- [Англия 2008c] — Школа «Дружба» — участник фестиваля Темзы // Англия. 2008. № 35. С. 1.
- [Байкальцев 2007] — Байкальцев А. Консолидация общины: старт дан // Лондон-Инфо. 2007. № 44. С. 1, 4—5.
- [Байфорд 2009] — Байфорд Э. «Последнее советское поколение» в Великобритании // Неприкосновенный запас. 2009. № 64. С. 96—116.
- [Беван 2006] — Беван Т. Подарите себе радость — школа «Дружба» // Лондон-Инфо. 2006. № 27. С. 7.
- [Бизнес-Инфо 2004] — Русские в Сити // Бизнес-Инфо. 2004. № 1. С. 3.
- [Григорян 2007] — Григорян М. Русские пришли // Лондон-Инфо. 2007. № 15. С. 1, 3.
- [Григорян 2008] — Григорян М. Бизнес-саммит RBCC: новый старт, старые традиции // Лондон-Инфо. 2008. № 23. С. 4.
- [Зайончковская 2004] — Зайончковская Ж.А. Постсоветская эмиграция из России в западные страны // Studia Slavica Finlandensia. 2004. Т. 21. С. 16—38.
- [Лондон-Инфо 2003] — Политический беженец Березовский // Лондон-Инфо. 2003. № 33. С. 2.
- [Лондон-Инфо 2004a] — После бала // Лондон-Инфо. 2004. № 24. С. 1—2.
- [Лондон-Инфо 2004b] — «...Я должен был быть русским!» // Лондон-Инфо. 2004. № 31. С. 5.
- [Лондон-Инфо 2005] — Был русский дух и Русью пахло... // Лондон-Инфо. 2005. № 2. С. 1, 3.
- [Лондон-Инфо 2006a] — Знатоки в Пушкинском доме // Лондон-Инфо. 2006. № 37. С. 7.
- [Лондон-Инфо 2006b] — Русские в Сити: штрихи к портрету // Лондон-Инфо. 2006. № 42. С. 10.

- [Лондон-Инфо 2006с] — Сага о Ливенах // Лондон-Инфо. 2006. № 47. С. 1, 8.
- [Лондон-Инфо 2007а] — Гламурная битва олигархов // Лондон-Инфо. 2007. № 38. С. 1, 3.
- [Лондон-Инфо 2007b] — Караоке на Трафальгаре // Лондон-Инфо. 2007. № 46. С. 4—5.
- [Лондон-Инфо 2007с] — Мюзикл про Абрамовича // Лондон-Инфо. 2007. № 42. С. 7.
- [Лондон-Инфо 2008а] — 8 марта в Лондоне // Лондон-Инфо. 2008. № 9. С. 12.
- [Лондон-Инфо 2008b] — И грянул бал! // Лондон-Инфо. 2008. № 7. С. 12.
- [Лондон-Инфо 2008с] — Россия в сердце Лондона // Лондон-Инфо. 2008. № 2. С. 1, 3.
- [Лондонский курьер 2008] — Кубок Ивана Грозного по водному поло // Лондонский курьер. 2008. № 297. С. 16.
- [Макарова, Моргунова 2009] — Русское присутствие в Британии / Под ред. Н.В. Макаровой и О.А. Моргуновой. М.: Современная экономика и право, 2009.
- [Мурадов 2007] — Международный опыт поддержки соотечественников за рубежом: Мировая и отечественная практика / Под ред. Г.Л. Мурадова. М.: Русский мир, 2007.
- [Печурина 2009] — *Печурина А.* «Там русский дух...»: Вещи в доме как способ визуализации идентичности мигрантов в Великобритании // Визуальная антропология: Настройка оптики / Под ред. В.Е. Ярской-Смирновой и П. Романова. М.: Вариант, 2009. С. 212—228.
- [Печурина 2011] — *Печурина А.* Матрешки, иконы и Пушкин: Личные вещи и культурная идентичность в эмиграции // *Laboratorium: Журнал социальных исследований*. 2011. № 3. С. 199—203.
- [Пульс UK 2008] — Russian Gig: Зима закончилась // Пульс UK. 2008. № 2. С. 1, 20—21.
- [Смирнова 2008] — *Смирнова Е.* «Женский день» в Лондоне // Лондон-Инфо. 2008. № 10. С. 8.
- [Anderson 1991] — *Anderson B.* Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London: Verso, 1991.
- [Austin 1975] — *Austin J.L.* How to Do Things with Words. Oxford: Clarendon Press, 1975.
- [Betts 2002] — *Betts G.G.* The Twilight of Britain: Cultural Nationalism, Multiculturalism, and the Politics of Toleration. London: Transaction, 2002.
- [Black, Markova 2007] — *Black R., Markova E.* East European Immigration and Community Cohesion. York: Joseph Rowntree Foundation, 2007.
- [Butler 1990] — *Butler J.* Performative Acts and Gender Constitution: An Essay in Phenomenology and Feminist Theory // *Performing Feminisms: Feminist Critical Theory and Theatre* / Ed. by S. Case. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1990. P. 270—282.
- [Byford 2009] — *Byford A.* «The Last Soviet Generation» in Britain // *Diasporas: Critical and Interdisciplinary Perspectives* / Ed. by J. Fernandez. Oxford: Inter-Disciplinary Press, 2009. P. 54—63.
- [Byford 2012] — *Byford A.* The Russian Diaspora in International Relations: «Compatriots» in Britain // *Europe Asia Studies*. 2012. Vol. 64. № 4. P. 715—735.
- [Carlson 2004] — *Carlson M.* Performance: A Critical Introduction. London: Routledge, 2004.
- [Cohen 1993] — *Cohen A.* Masquerade Politics: Explorations in the Structure of Urban Cultural Movements. Berkeley: University of California Press, 1993.
- [Cohen 1997] — *Cohen A.P.* The Symbolic Construction of Community. London: Routledge, 1997.
- [Darieva 2004] — *Darieva T.* Russkij Berlin: Migranten und Medien in Berlin und London. Münster: LitVerlag, 2004.

- [Delanty 2003] – *Delanty G.* Community. London: Routledge, 2003.
- [Dietz 2000] – *Dietz B.* German and Jewish Migration from the Former Soviet Union to Germany: Background, Trends and Implications // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2000. Vol. 26. № 4. P. 635–652.
- [Geertz 1973] – *Geertz C.* The Interpretation of Cultures: Selected Essays. New York: Basic Books, 1973.
- [Goffman 1990] – *Goffman E.* The Presentation of Self in Everyday Life. London: Penguin, 1990.
- [Isurin 2011] – *Isurin L.* Russian Diaspora: Culture, Identity, and Language Change. New York: Walter de Gruyter, 2011.
- [Kolstø 2006] – *Kolstø P.* The New Russian Diaspora and Russian Identity in Finland // Studia Slavica Finlandensia. 2006. Vol. 23. P. 257–275.
- [Kopnina 2005] – *Kopnina H.* East to West Migration: Russian Migrants in Western Europe. Aldershot: Ashgate, 2005.
- [Laitin 2004] – *Laitin D.D.* The De-cosmopolitanization of the Russian Diaspora: A View from Brooklyn in the «Far Abroad» // Diaspora: A Journal of Transnational Studies. 2004. Vol. 13. № 1. P. 5–35.
- [Loxley 2007] – *Loxley J.* Performativity. London: Routledge, 2007.
- [Morgunova 2006] – *Morgunova O.* Europeans, not Westerners: How the Dilemma «Russia vs. the West» Is Represented in Russian Language Open Access Migrants' Forums (United Kingdom) // Ab Imperio. 2006. № 3. P. 389–410.
- [Morgunova 2007] – *Morgunova O.* Discursive Self-representations in Russian-language Internet Forums: Russian Migrants in the UK. Ph.D. dissertation. Edinburgh, 2007.
- [Morgunova, Morgunov 2007] – *Morgunova O., Morgunov D.* Making Cakes in Scotland: Sweet Memories and Bitter Experiences // Movements, Migrants, Marginalisation: Challenges of Societal and Political Participation in Eastern Europe and the Enlarged EU / Ed. by S. Fischer, H. Pleines and H.-H. Schröder. Stuttgart: Ibidem, 2007. P. 101–112.
- [Münz, Ohliger 2003] – *Diasporas and Ethnic Migrants: Germany, Israel and Post-Soviet Successor States in Comparative Perspective* / Ed. by R. Münz & R. Ohliger. London: Frank Cass, 2003.
- [Pechurina 2010] – *Pechurina A.* Creating a Home from Home: Russian Communities in the UK. Ph.D. dissertation. Manchester, 2010.
- [Suttles 1972] – *Suttles G.* The Social Construction of Community. Chicago: University of Chicago Press, 1972.
- [Turner 1987] – *Turner V.* The Anthropology of Performance. New York: PAJ Publications, 1987.
- [Turner 2012] – *Turner V.* Communitas: The Anthropology of Collective Joy. New York: Palgrave Macmillan, 2012.